

Ю. Д. Гранин¹

ЭРОЗИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Не вдаваясь в детальный анализ этой эпохи, наступление которой было вызвано вступлением человечества в неолиберальную фазу глобализации, отметим ее главное отличие от эпохи модерна. Последняя была органически связана с идеалами Просвещения, гарантирующими оптимальное — национальное — устройство пространства совместной жизни лингвистически, профессионально и культурно разных народов в Европе и за ее пределами на основе не традиций, а рационально сформированных общей «памяти», общих «ценностей» и общей «судьбы».

Однако проект модернизма с характерными для него обожествлением и верой во всемогущество человеческого разума уже в конце XIX века был сначала подточен ницшеанством, подорван двумя мировыми войнами, тоталитаризмом и структуриализмом в первой половине XX века и почти совсем разрушен во второй половине XX столетия культурным и философским постмодернизмом. Характерной чертой этого мировоззрения, формирование которого началось в 1960-х на волне кризиса «старых» западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира — с другой, стало установление *стратегического релятивизма*, поставившего под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна. После вступления

США, Канады и Западной Европы в постиндустриальную фазу развития, обеспечившую беспрецедентный экономический рост и формирование в этих странах «общества потребления», она была поддержана политическими и экономическими транснациональными элитами, абсолютизовавшими идею «свободы от» государственного регулирования не только экономики, но и унаследованных из эпохи модерна (традиционных) форм общежития. Так возникла «постсовременность» (постмодерн) с ее культом личной свободы и абсолютизацией «равенства», выразителем которой стал постмодернизм. Его кредо — формирование массовой мультикультурной среды существования, появление которой, повторю, вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти.

В качестве наиболее характерной формы мультикультурализма в условиях неолиберальной глобализации исследователи называют *экзотизацию* специфических культур. Экзотизация безопасна для глобального доминирования тем, что создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, не имеющую ничего общего с реальностью, не учитывающую подавления и неравенства, которые по-прежнему во многом определяют культурную ситуацию в мире. «Неолиберальный мультикультурализм не заинтересован в перераспределении власти и культурного влияния, но, напротив, отвлекает внимание от подобных вопросов путем коммерциализации мультикультуры и превращения ее в товар»².

Принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности, заключается в том, что она идет не через идеологическую мобилизацию

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др. Член редколлегии журналов «Вопросы философии и психологии», «Личность. Культура. Общество», «Телекинет». Главный редактор журнала «European Journal of Philosophical Research». Член Союза журналистов РФ.

² Глобализация и мультикультурализм. М.: РГГУ, 2005. С. 185.

и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. При этом доступ контролируется, а потребитель во фрагментированной культурной среде получает специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь, растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу.

Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую *идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная, более того, «изготовленная» мера своеобразия. Экономическая борьба все больше становится информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения этих моделей потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни.

Но мультикультурализм — это не только имманентная часть стратегии глобального доминирования ТНК, большинство которых имеют прописку в странах G-7, но и важная составляющая политики многих государств по адаптации мигрантов. В качестве политического концепта, отмечают исследователи, это философско-политическая идейная система, политический проект, постулирующий культурную неоднородность в качестве стержневого принципа организации социума. Постмодернистские корни определяют своего рода генетический код современного мультикультурализма, его глубинный смысл, его «месседж», посылаемый либеральными конструкторами концепта различным иммигрантским общинам (прежде всего исламским, но не только), в значительной части в принципе не ориентированных не только на культурную, но и на социальную, правовую, политическую интеграцию. Такие общины сохраняют собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную «этническую экономику». Казалось бы, стремительный рост числа переселенцев, не желающих интегрироваться в США и Европе, занимающих нижние ступени социальной лестницы и пополняющих ряды криминала, должен был вызвать массовые протесты коренных жителей, в том числе политиков. Но их

сдерживают пресловутые «толерантность» и «политкорректность», формирующие по сути эзопов язык, который рекомендуется употреблять во многих странах Запада. Так, в рамках концепции политкорректности запрещается поздравлять собеседников с Рождеством Христовым, поскольку это может оскорбить атеистов и представителей других религий (как будто непонятно, что они и так не празднуют Рождество!). Негра запрещено называть негром, черным, чернокожим и так далее — он становится афроамериканцем. «Толстый человек» — ненормативно в рамках политкорректного новояза, он — «развивающийся горизонтально», «маленький» — «вертикально недоразвитый», а «жулик» — «этически не ориентирующийся». И так до бесконечности. Эти и другие примеры свидетельствуют об очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евро-атлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер. Об этом же говорит усиливающийся тренд к легализации содомии. Сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира, а также в некоторых штатах США и Мексики. Среди них — протестантские Нидерланды, Бельгия, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания, Новая Зеландия; католические Испания, Португалия, Исландия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Франция. Но и это, увы, не все. Современные европейские ценности включают толерантность к совсем уже диким, нецивилизованным формам общественного бытия. Ведущие голландского молодежного телешоу Proefkonijnen («Подопытные свинки») Деннис Сторм (Dennis Storm) и Валерио Зено (Valerio Zeno) в эфире своей телепередачи попробовали по кусочку мяса друг друга. Вопрос о том, какова на вкус человеческая плоть, стал темой для премьерного выпуска передачи, а также широкого обсуждения на форумах¹.

Подобные перформансы и креативы (а именно этим оправдываются инициаторы) по сути являются пошловым приучением Запада к толерантности по отношению не только к каннибализму, но и к нарушению других фундаментальных цивилизационных табу. В частности, абсолютным табу практически во всех культурах всегда был инцест, но в ЕС уже началось обсуждение его легализации². Некоторые европейские политики открыто в прессе и на телевидении представляют инцест как европейскую «гендерную норму». При этом по аналогии с «гомофобией» предлагается ввести понятие «инцестифобии», за проявления которой следует наказывать. Одновременно с этим в некоторых странах Европейского союза обсуждают легализацию педофилии. В этом контексте перспективы сохранения и развития большинства европейских культур выглядят совсем не радужными.

¹ См.: <http://www.youtube.com/watch?v=IzS6mrdYP10>.

² См.: <http://www.odnako.org/blogs/o-legalizacii-incesta>.